

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Денис Гуцко

**Ангелы
с нашей фамилией**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ДЕНИС ГУЦКО

АНГЕЛЫ С НАШЕЙ ФАМИЛИЕЙ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Денис Гуцко — лауреат русского «Букера» за 2005 г. Премия получена им за роман «Без пути-следа» (в том же году роман издан как часть дилогии «Русскоговорящий»). Один из самых ярких публицистов «Огонька», Денис Гуцко родился в 1969 году в Тбилиси, служил в армии, учился в Ростовском государственном университете. Бросив аспирантуру геолого-географического факультета, работал сапожником, охранником, инкассатором, менеджером по продажам полимерной упаковки, завхозом в коммерческом банке. Живет в Ростове-на-Дону. Гуцко появился на российском литературном горизонте в начале нового века: он, конечно же, яркий представитель реалистического направления в русской литературе. В литературу Денис пришел, если можно так выразиться, «из жизни»: в отличие от изнеженных столичных писателей он знает и чувствует подлинную российскую жизнь, у него активная гражданская позиция и неравнодушие к подлости, чванству, невежеству. Мы публикуем первый постбукеровский рассказ Дениса Гуцко, написанный специально для журнала «Огонек», а также его публицистику.

Андрей Архангельский

ЧУЖИЕ СЛОВА

Говорили, пить не дают, потому что в здешних горах кишит дизентерия. Но так говорили и в прошлый раз. Мы понимали — дизентерия тут ни при чем. Просто они ломают нас. Решили, что вот так — ломая нас — сделают из нас мужиков. И решили-то не сами. Кто-то задолго до них, облаченный в другую форму, но облеченный такой же властью отдавать приказы, придумал все это — и вот мы трясемся в урчащих ЗИЛах, тупо глядя в плавающую за бортом пыль, и стараемся забыть это мучительное слово: «пить». Пусть. Нам не остается ничего другого, как принять эту игру. Не сломаться. Или хотя бы не показывать виду, что сломались. Авось не заметят, а в другой раз мы будем сильней.

Возможно, и была в этом своя злая правда. Возможно, были бы на пользу вчерашним деткам эти испытания. Если бы офицеры терпели с нами наравне. Но в кабинах ЗИЛов, мы-то знали, стояли термосы с водой. Когда колонна останавливалась на ночевку, они выскакивали из машин, сильные и свежие, звонко выкрикивая команды. У многих из них грудь была в темных разводах от пролитой неосторожно воды: торопились напиться перед остановкой, чтобы не у нас на виду. А мы были слабыми и жалкими. Мы мешками выпадали с борта на землю и мрачно плелись к строю. Единственное, чему они нас научили в этом долгом путешествии, так это крепко верить в земную несправедливость. Мы утверждались в этой вере, глядя на их сохнувшие в душном вечернем воздухе гимнастерки. Главное — в этой конкретной несправедливости, что суждена нам на два года, выбрать такое место, где она, эта самая несправедливость, обернется для тебя благом.

Уже глухой ночью нам привозили в небольшой автомобильной цистерне какой-то тягучий коричневый отвар и раздавали по полкружки. Он давно прокис и вонял тиной, но мы проглатывали его жадно, не чувствуя. Сержанты командовали «отбой» и, дождавшись, пока мы расплземся по установленным между сосен палаткам, обвислым и вялым, как мы сами, бежали к ЗИЛам выпрашивать пару глотков из термосов. Им разрешали, покуражившись для порядка. Утром в мозг била новая ко-

манда: «Подъем!» Мы выползали из палаток и машинально, то и дело проваливаясь обратно в сон, принимались их разбирать. А кто-нибудь из сержантов бодро нас подгонял, называя сонными мухами.

И снова урчало под нами и качалось, в прямоугольном просвете крытого кузова текла молочная пыль. Все это злило нас. Время от времени мы односложно матерились. Судя по ритму слов, матерился и Мовсес Мовсес-ян. Но армянского во взводе никто не понимал, а он не понимал русского. То есть ни слова. Постепенно начинал догадываться, что означают те или иные команды, осваивал армейский русский — благо он несложный. Мы называли его Винни.

Потому что «мо-ВСЕ-с-мо-ВСЕ-сян» это конечно же «все-все-все», но человек не может быть «все-все-все», а значит, он стал Винни. Похоже, больше всего Винни возмущали наши сержанты, которые клянчили воду у офицеров, а потом приходили командовать нами. И вот мы ехали, молча слизывали с зубов пыль, а Винни ругался. Он сказал мне что-то и подождал, как я отреагирую. Я махнул рукой — мол, отстань, знаешь ведь, что я ни черта не понимаю. А он махнул на меня.

Горный учебный центр оказался всего лишь забетонированными террасами, на которых стояли палатки. Бетон серебрился, с неба на нас страшно тарасились близкие звезды, вокруг лагеря густо чернели сосны и тягело о чем-то вздыхали. Нам разрешили идти спать. Почему-то так и сказали: «спать» вместо уже привычного — «отбой». Сопя и шурша сунутыми под мышки бушлатами, мы влезли в палатку, на ощупь определяя, кому на каких нарах спать.

— Воды бы раздобыть.

— Да заткнись ты уже!

Тут Винни подал голос. Его все равно никто не понял, но он стал настойчиво повторять что-то свое. Все замолчали, слепыми глазами глотая темноту. Вдруг он взял меня за запястье и потянул к выходу.

— Он что, собирается воду искать? — спросил я все ту же сопящую вокруг тьму.

— Иди, — односложно ответила тьма.

Мы крались вдоль задней линии палаток, и возле каждой, прильнув к глухой стене брезента, Винни повторял одни и те же слова, свое водяное заклинание. Я стоял чуть позади и слышал только самое главное, то, на чем он слегка повышал голос: «Чжур ка?» — «Чжур чка», — отвечали ему печально. Не было воды. И все-таки я в него верил. Я уже чувствовал, как вода прохладно целует мою гортань. Мы прошли весь верхний ряд солдатских палаток, нужно было спуститься на нижнюю террасу. Винни двинулся слишком неосторожно. Его окрикнул резкий офицерский голос:

— А ну стой!

Тяжело прокатились шаги, резанул по черным теням луч фонаря, расшвыряв их по сторонам.

— Мовсесян? — сказал командир штаба. — Ну-ка, бегом марш, пока дезертирство тебе не впаял. Ну!

Винни ушел. Ушел и комштаба. Я не мог вернуться без воды. Мой язык и горло уже ждали ее, трепеща и сгорая от нетерпения. Дождавшись, когда стихнут шаги, я перебежал по тропинке вниз и двинулся вдоль палаток. Я не знал ни слова по-армянски. Кроме самого главного — чужого, но твердо усвоенного слова «чжур». Из первой палатки на мой вопрос: «Чжур ка?», для верности повторенный дважды, — меня сонно послали по-русски.

— Чжур ка? — спросил я, притиснувшись к следующей.

Там завозились, и под брезентовый полог просунулась рука с фляжкой. Судя по тяжелому сытому бульканью, фляжка была почти полной.

— Спасибо, — сказал я, забрав флягу.

Сквозь брезент меня что-то спросили настороженно, уже уловив подвох.

«Ха ес?» — повторили громче. Я понял, он интересовался, армянин ли я.

— Извини, брат, — прошептал я. — Завтра отдам. Полную отдам. Клянусь, — и стараясь не шуметь, пошел вверх по тропинке.

— Вот сука, — вздохнули за спиной.

Я шел, пригибаясь и вытягивая руку навстречу каждой новой тени, выныривающей передо мной, нащупывая себе дорогу в хвое и репейнике, и знал, что нет ничего прекрасней этого чужого вкусного слова «чжур», которое я повторял еле слышно, предвкушая, как оно ласковой волной оживет у меня во рту. Знал уже, как мы будем разливать в колпачок воду, откинув полог, чтобы впустить хотя бы немного этого льдистого звездного света, как будем ругать друг друга за пролитые капли.

Я много знал в тот момент. И не знал — еще больше.

Наверное, только эти большие страшные звезды, посеребрившие мою воровски согнутую спину, со своей высоты заглянувшие по ту сторону времени, знали все. Видели меня, давным-давно пережившего эти несладкие армейские денки, тридцатилетнего, отрастившего живот, переставшего видеть сны. Как-то совсем внезапно, внепланово, ставшего отцом.

Я сижу перед ним, положив подбородок на сплетенные пальцы, и очень-очень хочу, чтобы он не начал вопить. Жена поехала на работу решать что-то по поводу своего декретного. Мы с сыном одни. Вообще-то предполагалось, что он будет спать, но он проснулся, лишь только за Леной закрылась дверь.

Я бесстрашный отец, я справлюсь с любыми капризами своего чертенка. Безумной сюсюкающей скороговоркой и отчаянным фиглярством я убедил его не впадать в истерику, лишь только он обнаружил, что мамы нет не только в комнате, но и во всей квартире. Я занял его грудой столовых ложек, оглушительно высыпаемых перед ним на диван. Но скоро он проделает с ложками все, что смог придумать, и нужны будут новые идеи. Возможно, пригодятся кастрюли. Он любит ими греметь.

Мой сын мрачный тип. Сколько раз с женой мы с завистью заглядывались на родителей с милыми улыбающимися бутузами. Нет. Наш не таков. Наш хмуро заглядывает в тарелку, хмуро пробует кашу на вкус. Пасмурно оглядывает гостей, ища, где они прячут то, ради чего он готов их потерпеть некоторое время, и, обнаружив, растопыривает пальчики навстречу игрушке. Если же гости пришли без подарка, он начинает тревожно кричать, мнет губы — и мы спешим сунуть незадачливому гостю что-нибудь дальновидно припасенное на такой вот случай.

Сейчас он перебирает ложки и слушает, как они цокают друг о друга. Кажется, ему нравится. По крайней мере, он не кричит и монотонно повторяет себе под нос одно из своих таинственных словечек: «Таки-таки-таки». Как мотор. Как монументальные напольные часы. Он может бубнить это по полчаса, перебирать свое «таки» сосредоточенно и басовито, изредка выкрикивая не менее загадочный пронзительный клич: «Еть!» «Еть!» — и снова тихонько: «Таки-таки-таки-таки».

Я пытаюсь понять, что означает это его странное, нанизываемое на долгую сплошную нить слово.

— Таки-таки-таки-таки.

Жена уже дешифровала кое-что: «баки» у него означает «спать». Но это было несложно. Это от слова «бай-бай». Мне тоже хочется проявить интеллект. И вот я смотрю на его плотные пульсирующие щеки и думаю, что же это такое: «таки»?

— Таки-таки-таки-таки.

Больше никаких умных мыслей я не думаю.

Но глядя на своего загадочного, как все годовалые дети, сына, помню те страшные близкие звезды над солдатскими палатками, и прекрасное чужое слово «чжур», и сам вкус воды я помню, долгожданной и сладкой. Сколько еще чужих, вызубренных и случайно выхваченных из хаоса непонятого, слов мне довелось узнать. Некоторые из них были не менее полезны, чем то армянское слово. Но сейчас мне очень нужно понять слова моего Илюши. Мне нужно заговорить с ним на одном языке, попросить его, чтобы он перестал быть таким мрачным. Ведь мы с мамой его любим. Мы хотим сделать его жизнь самой сладкой, самой прекрасной и

легкой. Мы будем стараться сделать ее легкой, а уж сложности он насочинит сам.

— Что же это ты говоришь такое непонятное? Это про что? Про нас с мамой? Нет?

Иногда мне кажется — Илюша смотрит на меня с проблеском надежды: вот, мол, хоть что-то начинаешь понимать. Но потом он снова уходит в себя, рассуждает о чем-то сам с собою, к нам обращая только общепонятные односложные команды типа «дай!». Конечно, я знаю: он окажется умней меня и выучит мой язык раньше, чем я выучу его. И тогда, в той части этого вечного путешествия, которую он начнет рядом со мной, я попытаюсь рассказать ему, сколько в мире есть разных, хороших и плохих, вещей, а насчет справедливости пусть разбирается сам.

Декабрь 2005 года

БОЛЬ ЗА ВСЕХ

Трагедия с рядовым Андреем Сычевым (Челябинское танковое училище) вызвала колоссальный разрыв в настроениях высших военных и гражданского общества.

Самое главное — не смеять им верить. Ну не знают они, как это остановить. Возможно, даже хотят, но как — не знают. По-моему, ждать больших и более страшных доказательств этому — нет, не глупо. Подло. По отношению к нашим сыновьям. По отношению к нашим женам, родившим нам и вырастившим Димок, Ленчиков, Сашек.

Только трус ждет следующего раза, чтобы дать сдачи. И только общество трусов дает второй, и третий, и сорок пятый шанс тем, кто снова и снова забирает их у нас — таких разных: бойких, замкнутых, сильных, простоватых... Пережевывает и отрыгивает, таких одинаковых — покалеченных. Потому что сильный станет там жестоким, простоватый станет «тормозом», а вот слабый станет чмырем — и никогда уже не станет мужчиной. Даже если избежит участи Андрея Сычева. Или участи сержанта Сивякова. Ведь и этот, тот, что его избивал, — калека.

Помните, когда наша ГИБДД в очередной раз посягнула на машины с правыми рулями, автолюбители вышли выразить свой протест, чуть ли не улицы перекрывали? Но сейчас тихо — народ безмолвствует... Машины с правыми рулями — вопрос куда более важный... Мы ждем следующего раза?

На убыточных предприятиях вводят внешнее управление. Общество имеет право ввести внешнее управление армией, которая приносит ему такие убытки.

«Почему 25 дней не докладывали нам? Это мы будем спрашивать с наших генералов», — заявил Сергей Иванов.

Стало быть, это больше всего их беспокоит — почему не сработала система. Позвольте, но она таки сработала. Она именно так и работает. Это не аппаратный сбой. Это системная ошибка. Вспомните «Курск». Вспомните замороженных на аэродроме солдат. К ЧП приводит механизм, который всем этим движет. Поэтому и трудно военным заставить себя с этим бороться. Придется ведь пускать за КПП этих чужих в штатском. Ведь чего доброго догадаются, что никакой не чрезвычайный случай, а побочный продукт нормально функционирующей системы.

Но почему штатские — чужие? Это ведь именно они, штатские, представляют вам солдат. Генштаб пока не научился рожать.

Замалчивали и будут замалчивать. Потому что любой нормальный человек понимает, что бороться нужно с причиной. (Возможно, военные, как никто другой, понимают это. Бой ведь не что иное, как уничтожение источника проблем любыми доступными средствами.) Но с причиной ведь никто не борется. Даже выше-выше-и-еще-вышестоящие.

Так уж устроен этот мир цвета хаки: молчи и делай, как все. Именно поэтому армейская статистика покончивших самоубийством учитывает отдельной графой. Список жертв в ней — на порядок выше, чем в графе «от неуставных взаимоотношений». То есть самоубийством, по мнению штабных статистиков, в Российской армии кончают от чего? От хандры? От авитаминоза? Оттого, что девушка бросила? Это похоже на бред того придурка из части Сычева, который говорил, что тот, наверное, сам с собой такое сотворил. Хотел в отпуск по состоянию здоровья, да не рассчитал.

Я помню, как мы неспешной колонной входили в часть, в которой суждено было дослуживать после учебки. Как деды бросали нам ремни с криками: «Духи, вешайтесь!» А рядом ведь шел офицер. И он видел все и слышал. Уж не помню, что было у него на лице: делал отвлеченный вид или ухмылялся, поглядывая на бедолаг. На него никто не смотрел, никто ничего от него не ждал. Ничего, что в корне отличалось бы от настроения дедов. Мы понимали, что офицер настроен точно так же — унижить нас и подчинить. Подчинить через унижение.

Почему мы, сегодняшнее российское общество, послушно глотаем эту приманку, это слово «дедовщина»? Почему мы всё боремся с дедовщиной, но не решаемся сломать весь механизм? Ведь нет вокруг паутины репрес-

сий. Что такое 58-я статья, ответит не каждый прохожий. Нас не заставляют молчать, тупо голосуя «в едином порыве». Мы давно уже не лохи совковые, скупающие бумажки МММ. Мы всё знаем. Но мы сверлим ненавидящим взглядом дедов-отморозков, а ведь недалеко от этих дедов обязательно стоит офицер. Который тоже все знает. Но изменить не может. Потому что шестеренка не может отремонтировать машину.

«Вы здесь говно. Людей из вас буду делать я» — эти слова ведь одинаково успешно можно вложить в уста и сержанта, и дембеля, и майора. Я лично слышал, как новый командир бригады, в которой я служил (полковник, к слову), на общем построении рокотал с трибуны: «Я ваша новая мамка, сиська у меня одна, сосать вы ее будете по очереди». И нам, уже давно живущим в системе «унижай другого или унижат тебя», было приятно, что с ними, офицерами, так — вот так, как и они с нами. Оказалось, на это и было рассчитано. Вскоре новый комбриг учредил среди сержантов новую должность — «помощники командира части». Им всем обещали отпуска. Они должны были носить парадную фуражку при полевой форме и каждую пятницу навещать лично в командирские покои на доклад: а как там обстоят дела в подразделениях, кто из офицеров пьет, кто бьет солдат? «Помощники командира» не знали, как спастись от позора. Они-то не ведали, когда соглашались, им не объяснили. Все эти наши армейские реформы, попытки немного что-то изменить, немного где-то добавить напоминают мне ноу-хау того комбрига (фамилию, увы, запоматывал).

Член комитета по обороне Владимир Овсянников заявил, что произошедшее в Челябинском танковом училище — «гестаповская выходка», но не повод, чтобы начинать антивоенную истерию в России.

Ну да. Только вот грань между «гестаповской выходкой» и воспитательным процессом в нашей армии очень уж тонка. Когда нас в учебке среди ночи выводили на процедуру «похороны бычка» (это означало, что в ротном толчке снова всплыл сигаретный «бычок», поэтому рота, попеременно неся на вытянутых руках носилки с уложенным на них злосчастным окурком, побежит на поле для тактических занятий и будет там его хоронить), — так вот, когда нас выводили на «похороны бычка», мы ведь шли мимо комнаты дежурного по части. И дежурный молча считал нас по головам и смотрел нам вслед, покуривая на крыльце. Курить нельзя было только «курсантам», салагам. А марш-бросок на три км под звездами — разве не лучшее воспитание для мамкиных сынков? Да его самого так гоняли!

Дело в том, что дедовщина удобна офицерам. С ее помощью очень легко решаются многие задачи. Большинство тех повседневных задач, которые ставятся перед командирами. Попробуйте заставьте озлоблен-

ного бессмысленной муштрой и уже огрубевшего человека набивать кантик на одеяле или косить траву на ширину штыка саперной лопатки от бордюра. (Могут наши военные растолковать нам, штатским, зачем на одеяле кантик или чем им помешала трава по ту сторону бордюра?)

Попробуйте объяснить человеку, что он останется дерьмом на все два года. Да и запала не хватит самолично гнобить солдата от звонка до звонка. Проще ведь зарядить его как следует — и пусть он сам гнобит других, лишь бы дело делалось. Тогда можно и подразделение свое оставить на все новогодние праздники, как это, видимо, и случилось в Челябинском танковом. Дедовщина давно уже замкнутый самовозобновляемый процесс, и это существенно облегчает жизнь отцам-командирам. Деды почти всегда в хороших отношениях со своим непосредственным начальством.

Не хотят, не умеют наши стратеги отличить унижения от воспитания. Не разработают они концепцию армии, в которой не нужно будет ломать людей. Поэтому — внешнее управление! Разработка новой армейской концепции чужаками-штатскими. Есть ведь теперь Общественная палата — я так понимаю, туда собрали наиболее умных из нас. Почему бы не доверить им?

Части обеспечения, в одной из которых и служил Сычев, — все эти караульные роты, хозяйственные батальоны всегда славилась самой жесточайшей дедовщиной. Неужели денег нет даже на то, чтобы хозработы в армии выполняли вольнонаемные?

Боль в обществе должна распределяться на каждого, тогда есть шанс, что ее станет меньше. Если это нас не объединит и не родится в общественном нашем разуме концепция новой Российской армии — «челябинское дело» случится снова. Правда, мы об этом можем и не узнать.

Февраль 2006 года

АНГЕЛЫ С НАШЕЙ ФАМИЛИЕЙ

Возвращаясь из роддома, я упрямо пытался разгадать, что за чувство такое набухает внутри. Нужно было срочно его оприходовать, записать в гроссбух памяти — это первое чувство, что просыпалось в трезвющем после роддомовской лихорадки сердце. Отрезанная светом фонарей от чернильной ночи дорога была пуста. Время от времени из пустоты вылетали грозные ночные автомобили, и я поднимался на тротуар, уступая им их законную территорию. Я долго не хотел себе в этом сознаться, но чувство, которое я наконец опознал внутри, было стыд.

Иногда я забывал вовремя отойти на тротуар. Автомобили, шумные демоны с горящими глазами, пронеслись в опасной близости, пугая, выражая недовольство наглым пешеходом.

Глупо — вместо его прекрасной скукоженной физиономии и болтающейся ниже коленок пуповины я вспоминал, как за два часа до чуда торопливо совал деньги в белые кармашки, как искал сумку жены, украденную кем-то прямо из приемной, как анестезиолог, которой я ничего не успел положить в карман, выгнала меня из родильной комнаты, не дав налюбоваться новеньким, благим матом орущим сыночком.

Напряжение последних месяцев схлынуло, и внутри, смяв так и не развернувшихся толком бабочек радости, хозяйничал тупой беспощадный стыд. Мне и прежде приходилось «давать», «отстегивать», «подмазывать», но я никогда не испытывал по этому поводу такого жестокого приступа стыда. Вдруг я понял: как было не разболеться совестью, когда в жизни моей, меняя в ней все, заполняя новым ослепительным смыслом, появился ангел. У этого ангела моя фамилия. Он — мой. Он лежит, завернутый в казенное клетчатое одеяло, привыкает к нашему миру. Рядом с ним никак нельзя оставаться прежним, привыкшим к компромиссам, готовым сдать на выгодных условиях.

Через неделю я написал ему письмо. Странно сейчас его перечитывать. Спустя 7 лет бумага пожелтела, и я успел забыть, как выглядит мой почерк, поскольку больше не пишу от руки. Изменился ли я сам? Пожалуй, перестал использовать восклицательные знаки в тех местах, где, как мне кажется, читающий должен разделить со мной пик моего чувства.

«Когда ты родился, мне было 29 и я уверял себя, что 29 — это еще только начало. Знаешь, мне было стыдно перед тобой за тот мир, в который мы тебя родили. Безумные улицы. Пустоголовые мальчики и их пустоголовые девочки. Вотчина потомков Шарикова — они везде: платят нам зарплату, кривляются в телевизоре, лечат нас и правят нами, судят нас и хоронят. Было беспокоино. Я начал тревожиться загодя: как бы так изловчиться — оградить, уберечь, не отдать! Когда ты родился, душа моя будто забеременела. С каждым днем все явственней улавливал я внутри какие-то странные шевеления — что-то новое росло, набирало вес. Новое, непривычное отношение ко всему окружающему... Я попробовал назвать это — и получилось: ответственность. Раз уж мы позвали тебя сюда, нам и отвечать перед тобой за все. За все. Спи сынок, не волнуйся. Какой ты у меня красивый, когда не орешь. К тому времени, как ты вырастешь, я что-нибудь придумаю. Я постараюсь победить шариковых. Не знаю — как.

Не знаю, получится ли. Но обещаю: я буду очень и очень стараться — теперь, когда ты родился».

Перечитываю — и, увы, понимаю, что и сегодня мало что исправил бы в том письме.

Как часто мы забываем, что наши дети рождаются ангелами. Мы меняем их под себя, приспособливаем под давно разонравившийся нам мир. Учим «не связываться с дураком», «слушаться старших» только потому, что они — старшие. Странная мотивировка... Позже она перерастает в покорность вышестоящему шарикову. Зачем убеждать, если можно заставить — мы и власть в своей стране строим именно так.

Мы декламируем перед своими детьми заученные постулаты хорошего поведения, но ведем себя, мягко говоря, иначе. Вы ни разу не нарывались на вопрос: «Папа, мама, а вы же учили по-другому?»

Трудно выучить ангела жить в своем мире. Единственное, в чем мы преуспели: рано или поздно они станут как мы. У них отпадут их невидимые крылья, они забудут вкус неба. Нужно ли им такое обучение?

Он говорит мне:

— Папа, у нас в садике есть девочка Надя. Она правильно отвечает на занятиях, ее всегда хвалят. А Соня всегда балуется и на занятиях плохо отвечает, бьет мальчиков по голове. А почему тогда мне больше нравится Соня?

Я, конечно, говорю ему умные взрослые слова, но я лишь помогаю ему сформулировать на нашем языке то, что он знает сам: так и действует любовь, вопреки логике, не подстраиваясь, а подстраивая под себя.

А может, и нам нужно иначе — по другой логике? Рождая ангела, самому немного становится ангелом, вспомнить все те случаи, когда удавалось подняться над собой, нарушить трусливые земные законы. Поползновения у нас есть — не оттого ли, говоря о своем ребенке, используем местоимение «мы»: мы уже ходим, у нас зуб прорезался? Хотим хоть как-то примазаться к ангельскому естеству младенца. Остается лишь разрешить себе это в полной мере — и действовать. И быть героем, говоря земным языком. Не бояться связываться с дураком, не слушаться старших за просто так. Менять не своих детей, а мир, в который мы их пригласили.

Мужики, рождая ребенка, давайте готовить себя к подвигу — как наши жены готовят себя к родам. Наверняка каждый может найти дело, в котором сумеет совершить подвиг. Представляете, как все могло бы обернуться, если бы мы так понимали свое отцовство?

Но сегодня все иначе. Сегодня детство то, что требует защиты. Как мог бы каждый родитель отпраздновать День защиты детей? Защитить его от: самозабвенно матерящихся на лавочке мужичков, от заливистой ксе-

нофобии в газетах, от преподавателя русского языка, говорящего «ложьте ваши тетради», от самого себя, вернувшегося с работы в плохом настроении. Видите, никак не обойтись без героизма, когда речь заходит о детях.

— Папа, — он борется с набегающими слезами, — я придумал, как помирить вас с мамой. Просто поцелуйтесь и скажите, что не обижаетесь. Куда там — учить его чему-то.

Вчера мы с ним играли. Высыпали пластмассовые фигурки на диван, он стал расставлять их, деля на три лагеря: «Это Зло, это Добро, а это люди». Люди почему-то оставались пассивными наблюдателями в затевшейся битве. А ведь я чуть было не отказался от этой игры ради выпуска новостей. Вряд ли выпуск новостей обогатил бы меня чем-нибудь. Новости не становятся новее. Который год все тот же расклад: Зло, Добро, а посерединке мы, люди. А все-таки, пока рядом с нами живут ангелы с нашей фамилией, есть шанс научиться у них главному.

Я возвращаюсь вечером домой, раздумывая, как сейчас спрошу сыночка, сколько страниц он сегодня прочитал. Если окажется, что мало, буду его ругать и обзывать лентяем.

— Папа, — кричит он мне в домофон. — Это ты? Я тебя люблю!

Но забывает нажать на кнопку, чтобы открыть подъездную дверь, — главное-то он сделал, высказал что хотел. Рядом стоит хмурая усталая соседка — она всегда хмурая и усталая. Вдруг она улыбается — и я понимаю, что зря я думал про нее, что она гримза.

Июнь 2006 года

МЕРТВЫЙ УЗЕЛ

Я не атеист. Мне в атеизме голодно.

Я не церковный человек. Мне в церкви жмет, как в тесной обуви. А хочется, чтобы она была меня больше. Чтобы не принаравливаться, а вверх расти. Чтобы много неба и смысла.

Но каждый раз, когда я пробую найти себя в церкви, обнаруживается, что для того, чтобы по-настоящему *войти в церковь*, нужен компромисс с совестью. Когда в Ростове появились люди в лампахах и с нагайками и взялись охранять собор, было трудно с должным чувством входить мимо них в ворота храма: я-то знал, что те же самые люди в лампахах, поигрывая теми самыми нагайками, сбивают мзду с въезжающих в город иногородних автомобилей. Когда я начинал вслушиваться в слова пастырей,

произносимые с телеэкрана, я вдруг нарывался на потасканный антисемитизм, облаченный в церковные одеяния: «Как только в синагогах возвестят о приходе мессии, это и будет означать приход Антихриста».

Зажмуриться и примириться так и не удалось.

Была и последняя попытка: батюшка в конце службы пожурил паству за то, что не покупают газету церковную, а с него-де спрашивают строго, «шесть сто в месяц выложи и не греши». Мелочь, конечно, но если бы вместо этой мелочи услышать слова большие и нужные, как-то: что привело тебя сюда... Газету я купил, в ней казенным языком епархия отчитывается о проделанной работе: конференции, молодежные слеты. Сдачи, помню, отсыпали монетами, полную горсть. Вот так всегда и получается: идишь с большим, уходишь с мелочовкой.

Может, все-таки зажмуриться? Может, и нельзя в вере слишком пристально вглядываться в детали? Но так и ослепнуть недолго.

Взаимное отторжение совести и церкви в последнее время только обостряется. Лечить его мне совершенно нечем. В таком неудобном состоянии, застряв между верой и невозможностью влить ее в церковное русло, я и пребываю. Столь подробно описываю этот мертвый узел, в который завязана моя религиозность, лишь потому, что уверен: таких, как я, много. И в последнее время эта часть общества все непоправимей от церкви отдалается. Видимо, такие — за которых еще нужно побороться — не особо-то нужны самой церкви. Кажется, так обстоят дела уже очень давно. Вспомните сцену исповеди Левина:

« — Веруете ли вы во все то, чему учит нас святая апостольская церковь? — продолжал священник, отворачивая глаза от лица Левина и складывая руки под епитрахилью.

— Я сомневался, я сомневаюсь во всем, — проговорил Левин неприятным для себя голосом и замолчал.

Священник подождал несколько секунд, не скажет ли он еще чего, и, закрыв глаза, быстрым владимирским на «о» говором сказал:

— Сомнения свойственны слабости человеческой, но мы должны молиться, чтобы милосердный Господь укрепил нас. Какие особенные грехи имеет? — прибавил он без малейшего промежутка, как бы стараясь не терять времени».

От всех сомневающихся РПЦ и сегодня запросто отмахивается, как бы стараясь не терять времени. Жаль. Нам, сомневающимся, ведь тоже время дорого.

Что порождает наибольшие сомнения? Конечно, священник на политической трибуне. Политически активная церковь, на мой взгляд, все равно что врач, готовый оперировать лишь тех, кто разделяет его полити-

ческие убеждения. И если бы это были продуманные, адекватные действия... Все на строительство православного государства? (Вон даже ушедший генпрокурор успел отметить, на коллегии Генеральной прокуратуры предложил, воспитывая «высокую духовность» в обществе, «утратившем понятие греха и совести», строить правовое государство. Не успел.) Но возможно ли построить православное государство в стране, в которой нет духовных лидеров? Не номинальных, а таких, о безоговорочном доверии которым — и главное, о готовности следовать их директивам — заявляло бы абсолютное большинство общества... Потому что какое же теократическое государство там, где большинство не готово следовать за духовным лидером — непосредственно за лидером, а не за очередными «идущими вместе»? Или это будет санкционированное духовное лидерство из-под государевой руки, дозволенное ровно настолько, насколько не претендует на лидерство реальное?

«Православная церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии», — считал Иван Ильин.

«Церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол, и... если теперь это почему-нибудь невозможно, то... несомненно, должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества», — говорит Иван Федорович в «Братьях Карамазовых».

Если бы обсуждение возможности для России светлого теократического будущего вылилось в диалог такого уровня, сам этот диалог, несомненно, стал бы лекарством для всего общества, включая тех немногих атеистов, которые еще смеют открыто заявлять о своих убеждениях.

Но пока все выглядит как беседа системы с системой, как закодированный диалог компьютеров: *«Нельзя недооценивать опасности расхождения между волей народов и решениями международных организаций и транснациональных корпораций, которые могут становиться средствами доминирования одних стран над другими, менять традиционные способы организации общества и осуществления власти, что нередко чревато тотальной унификацией и коммерциализацией всех сторон жизни и создает прямую угрозу традициям и религиозным устоям народов».* Увы, эти слова митрополита Кирилла обращены к кому угодно, но не к живому человеку.

Ну ладно, раз уж пошел такой мегаполитический расклад, можно напрячься, перевести с русского чиновничьего на русский литературный. Но смысл? Все это было сказано раньше, давно и недавно, подобные идеи противостояния всему и вся, подкрепленные жутковатым прилага-

тельным «тотальный», давно бродят в обществе. Позвольте аналогии из другой профессии: чтобы быть колумнистом более или менее приличного СМИ, нужно хотя бы вовремя реагировать на события, на настроения общества, ну и желательно, конечно, выдавать оригинальные идеи (о стилистике умолчу: не до жиру). РПЦ с ролью колумниста страны, надо признать, справляется неважно. Да, ей вдруг стало «до всего», она начала высказываться на любые «животрепещущие» темы. Но... вот бы чуть пораньше, вот бы первой, вот бы своим, навскидку угадываемым слогом!

Еще одно вызывает недоумение: с кем церковь будет строить новое православное государство? Насколько будет соответствовать воздвигнутому плану (должен быть), если строить начнут люди, недопонимающие, что именно взялись построить? Или нам объяснят потом, когда стройка уже начнется? Но те, кому впервые показали, как орудовать мастерком, только на стройплощадке, возводят дома, которые рушатся в первую же хорошую гулянку. И православное государство вряд ли можно создать с теми, чье православие зачастую состоит в умении правильно креститься. А таких — давайте трезво — в стране, вышедшей из воинствующего атеизма и только-только отошедшей от беспредельных 90-х недопустимо много. (Кстати, не помню я в 90-х такой публичной активности РПЦ. Помню огромные золотые распятия на торсах лихой братвы и ни единого пастьерского слова о том, что эти распятия — греховны.)

От лица церкви взялись выступать люди, призывающие стрелять то в геев, то в Хакамаду. Почему РПЦ не отрещивается от них? То есть почему бы внятно не заявить, что эти ребята, обещающие счастье всем, кто останется жив после того, как они наведут свой окончательный порядок, — что эти ребята не имеют ничего общего с православием?

РПЦ готова прийти в армию, возродив институт армейских капелланов. Когда в новостях показывали полковника Буданова, отдающего приказ: «Батарей, залп!» и сразу после залпа улыбавшегося в камеру: «С Пасхой их!» — никто из священников не сказал, что Пасха никак не может быть увязана с уничтожением — даже бандформирований, засевавших в весеннем лесу.

Возможно, я плохо понимаю православие. Для меня самый православный человек — Душечка Антона Павловича Чехова. Ее формула: люблю — следовательно, существую. Но Душечку сегодня вряд ли назовешь делегатом от православия. Сегодня от православия, транслируемого РПЦ, веет средневековой неотвратимой жутью. И герои его — совсем иные персонажи, живущие и действующие по принципу «Кто не с нами, тот против Бога».

Дождемся ли мы перемен, услышим ли умный серьезный разговор от пастырей?

Вскоре после того, как в Москве обрушились взорванные террористами дома, в Ростов приехал Алексей освящать разрушенную когда-то большевиками и вновь отстроенную колокольню. Народ затопил всю площадь перед собором. (Мы тогда дежурили по ночам перед своими домами, паника разжижала нам мозги.) Охрана в темных костюмах строгими окриками отгоняла напирающих от заграждений. Алексия подвезли вплотную к собору, никто его даже не разглядел толком. Народ ждал, решив, что патриарх выйдет к нему потом, после обряда освящения. Но Алексей, выйдя из ворот, сел в машину и уехал. Народ, давясь и переругиваясь, начал расходиться.

Июль 2006 года

ЧУЖИЕ РУССКИЕ

На съезде соотечественников осенью 2006 года пообещали: через год в Россию потянутся русские переселенцы из бывших союзных республик.

Государству Российскому наконец-то понадобились те из них, кто за десятилетие раздельной жизни не успел окончательно ассимилироваться и найти свою долю вне отечества. Всем, готовым начать жизнь заново, обещают работу. Тем, кто поедет в самые депрессивные регионы, — еще и подъемные. В рамках государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, уже до конца 2006 года в республиках СНГ начнутся информационные кампании. Их слоганом вполне может стать что-нибудь вроде «Тебя ждут дома» или «Возвращайся. Ты здесь нужен».

И скорей всего они поедут. Поедут из Закавказья, из Киргизии и Таджикистана, где голодно и закрываются русские школы. Нелишним будет осознать уже сейчас, что к нам приедут другие русские — приедут русские, напитанные чужой культурой. Зачастую — культурой тех народов, от которых большинство наших сограждан желало бы отгородиться непроницаемым кордоном. Готова ли беременная ксенофобией страна воспринять соотечественников, разительно отличающихся от «нормального русского», говорящих на родном языке с акцентом, празднующих «не наши» праздники?

Готовы ли мы принять их? Не просто разрешить приехать, оплатив проезд и устроив на работу, как бедных родственников. Встретим ли мы их угрюмыми надзирателями, пресекающими любое проявление чужеродности, или вдумчивыми собеседниками, которым действительно интересны эти диковинные грузинские, туркменские, узбекские русские? До сих пор Родину не сильно занимало, что на душе у тех, кто возвращается к ней с дальних развалин империи. А ведь интересный мог бы получиться диалог — между народом, который весьма неважно уживается с другими народами, и вчерашней его диаспорой — людьми, которые выросли и жили среди этих самых других народов. Наверняка кто-то придет озлобленным и обиженным. Но будет много и тех, кто всю жизнь будет тосковать и перезваниваться со своими нерусскими друзьями.

Я и сам родом оттуда. Меня, правда, не звали, сам приехал. Перебравшись в Россию из Грузии в 1987 году, я лет десять потратил на то, чтобы стать здесь русским заново.

(Справка для бдительных великороссов (на всякий случай): по отцовской линии все украинцы (деревня Людвиновка), по материнской линии: дед казак (станция Крымская), бабушка русская (Старая Русса), родился и вырос в Тбилиси, думаю по-русски.)

Вот ведь какая загагулина: русскому, выросшему за пределами России, стать русским на своей исторической родине гораздо сложнее, чем выучиться жить на чужбине. Это как переводить с иностранного на иностранный. Приноравливаться к протезу. Занятие почти мистическое — и очень трудоемкое.

Я говорю, конечно, о тех, для кого чужбина стала родиной. О тех, кто там вырос, принял обычаи, в той или иной степени освоил язык. Попросту говоря, стал своим. Кстати, сейчас, спустя столько лет после распада, в Россию приедут именно такие. Не знаю, где как, а в Грузии — даже во времена несостоявшегося диктатора Гамсахурдиа — единственной чертой, разделявшей всех на своих и чужих, был только язык. Если ты говорил по-грузински, о национальности никто уже не спрашивал. Спустя почти двадцать лет жизни в России я затрудняюсь сказать, что здесь делает человека своим. Точно не язык. Так что начинать жизнь заново русским переселенцам придется в среде, вполне недвуязычно идентифицирующей их как чужаков.

Вы начинали когда-нибудь жить заново? Она, эта самая жизнь, до сих пор цельная, как яблоко в руке, вдруг делится для тебя на «там» и «здесь» — а тебе кровь из носу нужно быть и там и здесь одновременно. Самое опасное — когда ты начинаешь сравнивать.

Там ты жил в мире, отстроенном на традициях. И главное в таком мире было вовсе не то, как справляются свадьбы или что кладут в гроб покойнику. Главное — ты привык практически в любой жизненной ситуации получать подсказку: «Это принято делать так», «Ему лучше уступить, он старше», «Тебе оказали услугу — пригласи домой, накрой стол», «Не вздумай скандалить с соседом — неприлично». Традиция делает мир вокруг уютным и предсказуемым. Переехав в Россию, ты готов строить свой мир по другим чертежам. Но вдруг выясняется, что чертежей никаких нет. Нет другой традиции, которую тебе предлагают взамен той, в которой ты вырос. Нет этого поля, которое коллективную жизнь делает привлекательней индивидуалистской.

Семье не обязательно собираться на праздник. Соседи не здороваются. Старику можно сказать «ты» — никто не одернет. Пошлешь по матери — не обязательно получишь в морду. Застолье — не ритуал, а пьяным быть не стыдно. Жизнь по-русски оказывается всего лишь освобождением от тех или иных табу. И ты теряешься. И долго не можешь поверить, что стать своим на Родине — это всего лишь избавиться от акцента и нерусских ухваток. Окружающим этого достаточно. Тебе — нет. Можно перестать быть самим собой, но нужно знать — ради чего. «А не ради чего, — отвечают тебе. — Просто мне неприятно, что ты такой, блин, нерусский».

(Памятка для озадаченных переселенцев. Да, никто не раздражает так русского ксенофоба, как другой русский, говорящий с акцентом. Помню, в армии моего командира больше всего раздражало — вы не поверите, — как я цокаю языком, заменяя этим звуком слово «нет».)

Мир без традиции кажется тебе нежилым. Просто тебе трудно понять, к чему именно нужно приспособливаться. С одной стороны — живи как хочешь, никаких правил. С другой стороны — постоянное одергивание: «живешь в гостях — уважай хозяев». Знать бы еще, как это уважение проявить... В Тбилиси на праздник было принято угощать соседей тем, что лучше всех прочих блюд получалось у хозяйки, — обычно это было что-нибудь печеное. Нечто похожее я видел в деревне Пятихатки неподалеку от Ростова, куда одно время частенько ездил. В деревне поселились беженцы, турки-месхетинцы. Испекут лепешек и понесут соседям. «Угощайтесь, не отказывайте, у нас так принято». Соседи лепешки одно время принимали, а потом перестали двери открывать: ответить-то нечем. «У вас так принято, — стали ворчать местные — а у нас нет!» Закончилось все довольно традиционно: прогнали турок-месхетинцев.

В России всегда было куда уйти из нехороших мест. От злого воеводы, от помещика-самодура. За Урал, на Дон, в Сибирь. Может быть, готов-

ность прогнать всех тех, с кем не удастся наладить отношения, — обретенная сторона этой вековой охоты за лучшей долей?

Я до сих пор не забываю, что в Россию я — приехал. Комплекс чужака — конечно же тоже болезнь, реакция на ксенофобию окружающей среды. Захлопнуться и отказать в доступе всему, что тебя разрушает. Ведь ассимиляция по российскому сценарию, да еще в зрелом возрасте — больше разрушение, чем созидание. И самое болезненное, пожалуй, как раз не махровая ксенофобия с репликами вроде «ну и сидел бы в своей чучмеки», нет, гораздо сокрушительней действует молчаливое безразличие к той самой чужой культуре внутри тебя, которую ты никак не можешь предать. Потому что любишь. Потому что это твое детство. Потому что вьелось в душу навсегда.

И ты возвращаешься к тому, с чего начинал: нет больше родины там — нет ее и здесь. Куда нести свои неконвертируемые сокровища: воспоминания, знание чужих обычаев и языка? Никому это не нужно. Ты никому не нужен. Смею утверждать: каждый русский переселенец проходит в России по этому кругу. Видимо, ничего не изменится и тогда, когда это произойдет массово и по приглашению государства. Операция «Репатриация» ограничится компенсацией за переезд, записью в трудовой и более-менее пригодным для жизни углом с видом на фабрику. Вряд ли пришлым русским будет помогать адаптироваться к российской жизни — еще чего! они же русские.

Уже сейчас чиновники, словно упреждая всплеск общественного недовольства, заявляют: нет, никаких квартир репатриантам специально строить не будут, пригласят их в регионы, остро нуждающиеся в рабочих руках. Оно и ладно. Слишком хорошо — тоже нехорошо. Предусмотрена даже ускоренная процедура оформления гражданства. Каких-нибудь пару лет назад получение российского паспорта оборачивалось для зарубежного русского мрачной эпопеей с осадой паспортно-визовых служб и вымогательством тамошних чиновников. А теперь вот страна готова даже потратиться на их переселение. Наверное, от страны, вспомнившей о брошенных своих отпрысках только тогда, когда стало совсем уж безлюдно в вымирающих регионах, не приходится ждать большего.

Трудно и от российского общества, измотанного нестабильностью и дворовым фашизмом, требовать какого-то особо трепетного отношения к новым согражданам. Но, может быть, легче будет не оставаться друг для друга чужими, если понять: приедут не те, кто выбирает, где сытней и лучше. Ведь здесь их ждет тяжелая и, возможно, не менее бедная жизнь. Переселение — это всегда почва из-под ног, это всегда трагедия.

И не стоит лечить их от чужой культуры. Поверьте, это неизлечимо. Но может быть, они помогут нам излечиться от своего недуга — от неспо-

способности находить общий язык с другими народами. Тысячи новых людей возле нас, которые говорят на родном языке и с нами, и с теми, кого мы так не любим, едва терпим, боимся, клянем во всех своих бедах, — эти люди вполне подойдут на роль переговорщиков. Это ли не шанс! Представь, приедут толмачи — и вдруг выяснится, что тот, про кого ты думал: он желает тебе смерти, все это время спрашивал, как тебя зовут... Впрочем, это, кажется, совсем уже из другой сказки.

Октябрь 2006 года

НА ЗАБОРЕ НАПИСАНО

Отличный способ ориентироваться во времени — читать настенные надписи. Жизнь не меняется просто так, она нас предупреждает. Пишет нам записки.

О том, что жизнь меняется, мы помним всегда. Но замечаем это всегда как-то вдруг — натолкнувшись удивленным взглядом на новую зарубку, которую поставило убегающее от нас время: «Я — туда. Догоняй». Догонять порой не хочется. Но ведь нужно как-то ориентироваться: не удивляться же каждый раз, когда перемены уже превратились во что-то большое и непоправимое и стоят перед нами стеной с единственной узенькой дверкой, не оставив ни малейшего выбора.

Вы когда-нибудь видели тех, кто пишет на стенах? Я — ни разу. Но ведь кто-то это делает, кому-то это нужно — краской на стене. Особая каста — настенные летописцы, неуловимые и неутомимые. Вроде бы интернет, в котором на виду у миллионов можно выписать что угодно, становится все доступней. Живой журнал — эдакая бескрайняя стена для надписей — комфортное (и вполне легальное) местечко для любителей эпистолярного эксгибиционизма. Но число тех, кто предпочитает по старинке, красочкой, украдкой, не уменьшается. И потом, ЖЖ — другой жанр. Здесь можно пространно, здесь можно править. А краской на стене — это нужно сначала выносить, упаковать в краткую формулу. Чтобы успеть дописать, пока не засеки, да чтобы уместилось.

«Цой жив». Давно ли мы читали на каждом углу эти слова, ставшие паролем целого поколения? «Цой жив», — читал я, входя во двор, и знал, что с теми мрачными подростками, которые курят, поплеывая себе под ноги, я скорей всего найду общий язык. Все, умер Цой в наших дворах. Краска осыпалась. Под окном поют другие песни. Куда-то делись те подростки. Выросли, обзавелись семьями и приличной работой, смотрят «На-

родного артиста» и «Кулинарный поединок». Они ждали перемен, но, кажется, не этих. Дети их пишут совсем другие пароли.

«Россия для русских», «Неруси, вон из моей страны», «Убей черного, спаси Россию». Широчайший ассортимент надписей, с авторами которых я ни за что не хочу искать общий язык. Ксенофобия оставляет свои страшные метки — но нам пока не страшно. Однажды я проходил через такой квартал в частном секторе, который можно было читать как единый эпос подрастающего нацизма, успевай только голову поворачивать. Надписи на некоторых заборах были вытравлены. Скорей всего, там-то и жили те самые неруси. Я спросил об этом у своей знакомой, которая жила в этом квартале.

— Да, райончик у нас веселый, — сказала она и пожала плечами.

Ей все равно, она русская. Через год вышла замуж за украинца и уехала к нему на родину. Интересно, а вдруг она там поселилась в квартале, в котором обитают украинские националисты? Ходит теперь домой, читая: «Москали, геть з України». Страшно ли ей?

Сегодня политические надписи на наших стенах практически сплошь нацистские. Левые и правые растратили свою пассионарность, захлопнулись до санкционированных митингов. А ведь когда-то рядом с зачеркнутым «Ельцин — президент всех марсиан» красовалось «Зюганов — агент НАТО». Те, кто готов пачкать стены, готовы к большему. Пока мы голосуем эсэмэсками в телешоу «К барьеру», они приходят к нам во двory, помечают территории, которые уже можно брать — никто не даст отпора. Такие вот летописи.

Впрочем, не все еще обрызгли. На соседнем доме рядом со свастикой появилась не вполне цензурная надпись фломастером, которую я встретил с восторгом: «Бритоголовые — п...сы». Допекло кого-то. Скоро это затерли. Специально пошел на стоянку пораньше, когда никого нет, — обновил. Закрасили снова. На этот раз надпись обновил кто-то другой. Нопасаран? Сплотимся ли мы так же, как они, мой незнакомый соратник?

Агрессии на стенах больше, чем любви. Все как в жизни. На бетонном заборе, вдоль которого из Ростова выезжают поезда, идущие на Москву, — замысловатые граффити, как обычно — нацистские гадости, и вдруг: «Люди, любите друг друга». У меня с собой хорошая книга, на заборе за окном — про любовь. Не все потеряно.

Это явно нужно многим — писать на стене. В жизни, замешанной по старому доброму рецепту «хлеба и зрелищ», практика становится востребованной даже шоу-бизнесом. Пару лет назад за одну ночь весь город как аллергической сыпью покрывался вдруг названием какой-нибудь группы, собравшейся через месяцок-другой на гастроли в провинцию. Все закончилось почему-то на «Хоре Турецкого». То ли до компетентных орга-

нов дошло наконец, что это не фаны изъясняются в любви к своим кумирам. (Странно было бы заподозрить публику, идущую на Турецкого, в такой экзальтированности.) То ли на рекламные агентства подействовало стократное увеличение штрафа за незаконную рекламу. В любом случае, если встречаешь сегодня на заборе «Коррозию металла» или Radiohead, веришь, что это бескорыстная рука истинного меломана.

Их нужно читать, эти знаки.

«Петя лох». Выдержит ли соседский мальчик Петя, очкарик с гитарой за плечами, вызревшую наконец дворовую обструкцию, доучится ли в музыкальной школе?

— Что это там написали: «Жуй»? — спросил мой шестилетний сын, не разобрав слово на киоске «Союзпечати». — Там же газеты продают?

Останавливаемся, я прошу его прочитать снова. Вслух он не решается. Значит, где-то уже слышал, знает, что это такое. Помнится, я знал это несколько позже, лет с семи, со школы. А ведь водили в приличный и дорогой садик. Ну не с ясель — и на том спасибо.

Загадочное «Кто?» или сакраментальное «Е» — интригующие образчики городского символизма. Что-то ведь это означает? И сидя в душном офисе, думаешь, забросив работу: что же?

«Смерть буржуям!» — однажды видел на витрине ресторана, в другой раз — на грузовике, развозящем хлеб, чаще всего встречаю возле школ. Иногда этот призыв подкреплен силуэтом Че Гевары. Пока телевизор потчует нас историями из Куршевеля и биографией Абрамовича: «Здесь Ромочка играл в футбол, здесь завел свой первый бизнес», — молодежь, уставшая от дешевой пепси, выбирает революцию. «Революция будет!» — обещают они. И даже если она не грянет, нам, не-буржуям, читающим эти звонкие обещания, заранее неуютно. Даже если это всего лишь слова на стене и когда-нибудь они выцветут, как обещания помнить Цоя вечно, наши дети уже живут в революции. Им неинтересно строить, интересно опять — до основания. Они пойдут, если их внятно позвать. Смерть буржуям! Все равно я никогда не поступлю в институт — мои предки не наскребут на взятку. У меня никогда не будет черного «Бумера» и вон той блондинки с татуированной змейкой на щиколотке. Поэтому — смерть буржуям, а там разберемся.

«Туалета, ксерокса во дворе нет», «Торговым агентам не входить!», «Ворюга прокурор, подавай в отставку», «Машины не ставить — прокалывают шины». Всегда — только то, что наболело.

«Надюша, я тебя люблю». Ну слава богу, не перевелись еще те, кто не стесняется, — метровыми буквами под окном любимой. Любви, конечно, меньше, чем агрессии. Но так, кажется, было всегда. Зато любовь — от-

чайной. Только любовь может загнать нас на трубу котельной во дворе роддома, чтобы написать там: «Теперь нас трое».

— Вот ведь не лень вам, гадам, верхолазам, — ворчал дворник, стоя перед котельной с ведром краски. — Нет, не полезу, — плюнул он и мимо стайки молодых папаш, среди которых, быть может, был и тот самый гад-верхолаз, пошел обратно в бытовку.

Любовь в тот раз не закрасили.

Долг Родины перед человеком — снять каменную маску.

Февраль 2007 года

ТЫ? ВЫ?

*Кто достаточно большой для «вы» — а кому и «ты» в самую пору?
Как выглядим мы сами, выкая или тыкая собеседнику?*

— На следующей выходите?

— Что, мля, интеллигент?

— Нет-нет, такое же быдло, как и вы.

Любимый анекдот

Проблема, как водится, обостряется в среднем возрасте. И, как водится, в общении с незнакомыми людьми. Люди раннего среднего возраста, говорящие «вы» незнакомцам, пребывают в стрессе. Юность, в которой «вы» причиталось каждому, кто старше, закончилась. Старость, в которой будут выкать нам, еще не скоро. Кому выкать сегодня и от кого ждать ответного «вы» — решение этой задачи обходится сознанию недешево. На произнесение фразы типа «Не подскажите, где улица Профсоюзная?» организм реагирует как на ходьбу по темной лестнице стандартной многоэтажки или обед в придорожной столовой: последствия непредсказуемы.

Угадать, когда тебе выкнут в ответ, практически невозможно.

— Извините, вы не знаете, кто сегодня играет Треплева?

— Да ты бы в программке посмотрел.

Нет-нет, теперь это вовсе не всегда признак хамства. Далее может последовать вполне интеллигентный диалог — если ВЫ пожелаете продолжить разговор. Кстати, самые увесистые ломти хамства лично мне перепали как раз от выкающих персон с высшим образованием.

Так что такое это резвое «ты»? Эта манера играючи тыкнуть в чрезмерное, расфуфыренное «вы»?

Свобода, равенство и как будто даже братство.

Братство без спросу. Пролетарий, жизнерадостно хлопающий тебя по плечу: «Все путем, товарищ!», прочно обосновался в буржуйских офисах стилиа хай-тек, на курсах сомелье, в министерствах социально ориентированного государства.

Бесплатная, безотказная свобода — говорить всем «ты».

«Ты» — равенство бегущих по тротуару прохожих.

Мы тыкаем друг другу на улице и в метро — но разве становимся от этого ближе? Становимся чуть-чуть короче, как раз на окончания, чуть-чуть мимолетней — нам так легче перелистывать друг друга. Точно так же по вечерам, рухнув на диван, мы листаем телевизор, не углубляясь в сюжеты дальше одной-двух реплик.

«Вы» уходит из общения ровесников, из лексикона равных по статусу. Перейти на «ты» перестало быть актом сближения. Граница, через которую нужно шагнуть — решиться шагнуть? заслужить приглашение? — чтобы стать для человека «ты», упразднена. «Ты» больше не внутреннее пространство, в которое доступ — только для избранных.

— Да не люблю я эти «вы», наш человек от них капризничать начинает, — говорит один мой знакомый, стоматолог. — Проверено уже: как только с ним на «вы», так и начинается: «А что вы мне колете? А мне тут шее неудобно». Как только тыкнул: «Садись. Не закрывай. Не шевелись» — так можно спокойно работать.

— Нам стали тыкать на рабочем месте. Этого не было даже в девяностые! — изумляется другая моя знакомая, библиотекарь. — Если читатель говорит библиотекарю «ты» — все кончено!

Кому-то «вы» мешает сверлить зубы. Кто-то воспринимает его утрату как падение последнего бастиона. В какой среде уместно «ты», в какой «вы»? Науке это, конечно, известно. Но нам нет дела до той науки.

Этикет — заморочки персонажей с телеканала «Культура». На каналах общенародных — там, где живет и размножается наша телеэлита, — принято на «ты».

— Как ты считаешь, Андрей?

— Так же, как ты, Ксюша.

Оно и понятно: уж больно узок круг элитный, поперезнакомились все давно.

Мы, зрители и по совместительству обитатели внеэкранной жизни, сами себе творцы этикета.

— Босс запретил нам обращаться друг к другу на «вы». Даже к нему самому. Насадил, блин, демократию, — поведала мне сотрудник компании, торгующей иномарками. — Я поначалу краснела, когда приходилось

ему тыкать: он седой весь. Теперь научилась обходиться совсем без местоимений.

— А к клиентам как?

— К клиентам, понятное дело, только на «вы».

Нетипично, блин, но все же. Быть может, жизнеспособные культурные нормы родятся из корпоративной этики? Когда б вы знали, из какого сора...

Из интернета (орфография сохранена, лексика обогащена):

«Следующий рас кагда какая-нить бабка спроит: «А вы мне не паможыти мой очень непадъемный баульчег в трамвай поднять?» скажу: «А чего это ты мне выкаешь, ровесника штоль сибе нашла?»

Говорят, именно Сеть с ее гостевыми, в которых спорят и дружат безликие люди без возраста, прививает нам привычку общаться на «ты». Человек, в пространствах интернета окончательно изживающий в себе «вы», — ультрасовременен. Это как ходить в самом-самом модном: пока не каждый решается надеть, но мысленно все уже примерили это на себя.

Но ведь жизнь, мягко говоря, не всегда продолжение чата. Однажды наблюдал такую сценку в коммерческом банке.

Молодой, можно сказать юный, управляющий заходит в комнату, где сидит средних лет сисадмин.

— Ты мне принтер починишь?

— Так я тебе другой подключил, — отвечает сисадмин, оторвавшись от аськи, и тут же, заикаясь, исправляется: — Я вам другой подключил, Максим Евгеньевич.

В этом банке не практиковали демократического тыканья. Только сверху вниз. Вектор демократии. Вертикаль власти. Впрочем, это как раз не ново. Привыкли еще при развитом социализме: «вы» и «ты» — артикли при социальном статусе. Иерархические знаки. Нам тыкает начальник, с которым можно только на «вы» и только очень ласково. Мы не сопротивляемся. Компенсируем в метро.

У паспортисток, секретарш мэров, начальников ЖЭУ — совсем как у моего знакомого стоматолога — получим новую порцию демократического «ты»: «Садись. Не шевелись». И все станет на свои места: выкать нужно боссу (из консервативных), государству и — пока еще — старикам.

Возможно, завтра, когда ультрасовременное станет повседневым, мы заметим, что нормы, упростившие язык общения, катастрофически упростили нас самих. Что правило «будь проще, и к тебе потянутся люди» оказалось рецептом притяжения лишь таких же простых людей. Возможно, говорить человеку «вы» даже станет когда-нибудь модным.

Но пока что «вы» — источник неудобства. Оно становится обузой: инструкция по применению не прилагается, приходится пользоваться на-

угад. Зато какое появляется поле для эксперимента! Я, например, люблю выкаты сантехникам. И без того раскрепощенные, они от этого раскрепощаются еще больше. Чувствуют себя важными и нужными людьми — хирургами радиаторов, хозяевами горячей и холодной воды.

— Тебе как сделать: хорошо или дешево? — спрашивают они.

Хорошо и дешево не бывает, это понятно.

Просто и культурно — не бывает тоже.

Март 2007 года

СТРАНА ЧУЖИХ

Под Ейском, где сгорел дом престарелых, были не ваши старики?

Если проглотить это как обычно: досмотреть репортаж в выпуске новостей, печально покачать головой — то как-то и ничего. И как-то даже на душе посвежело. «Какой кошмар...» Отреагировал как положено, поужинал и лег спать. Чужая смерть — вечный повод почувствовать себя хорошим человеком. Да и телевизор не подразумевает подлинного сочувствия. Смерть в выпусках новостей — она ведь ненастоящая. Одинаково бодрым голосом диктор расскажет о стратегическом партнерстве ТНК и Роснефти — и тут же о 62 заживо сгоревших стариках. И медсестре, сгоревшей вместе с теми, кого пыталась спасти.

Было бы лучше, если бы они читали такие сообщения скорбными головами? Нет, наверное, нет. Но неужели обязательно в такие дни сообщать нам другие новости? Ну что, спать мы будем хуже, если не услышим о Зурабове и Кудрине? Если смерть беззащитных смонтируют с шелухой будней?

Позвонил своим старикам: «Как у вас, все нормально?» — «Нормально». Успокоился: с ними-то такого не случится. Они у меня не в доме престарелых.

Я-то их не бросал. Вот и государственные мужи успели уколоть бессердечных. «Деньги, которые выделяют для компенсаций, скорей всего не будут переданы тем родственникам погибших, которые бросили своих престарелых родных на произвол судьбы, — сказал вице-губернатор Краснодарского края Мурат Ахеджак. — Мы лучше потратим их на финансирование мероприятий по обеспечению противопожарной безопасности в станции Камышеватовской». Гневно так сказал — как припечатал. Клынул петух — потратятся на противопожарную безопасность в станции. И даже виноватее себя нашли: «Вы первые от них отказались». Бог вам судья,

молодой человек. Вы-то тут ни при чем. Ваших там не было. Но каждому ли из нерадивых детей и внуков, отдавших родных на попечение представляемого вами государства, успели вы заглянуть в глаза? От хорошей ли жизни бросают стариков?

Думали — сдают на руки государству, оказалось — на произвол судьбы.

Похоронят за государственный счет. Об этом они всегда нам напоминают за чем-то. И расследуют. И сделают выводы.

Всероссийское шоу «Чрезвычайная ситуация» показали еще раз. Вот большие чиновники на остывшем пепелище. Вот рассуждения экспертов об уровне технологической безопасности в стране. Напомнят, как опасно жить в технологически обделенных местах.

Имена погибших в Камышеватской влились в общий список тех, по ком был объявлен траур. Отреагировали как положено, живем дальше.

В Камышеватской — полторы тысячи жителей, два детских сада, детский приют, больница. Пожарную часть в станице расформировали в прошлом году. Наверное, реформа органов местного самоуправления. Местное самоуправление решило, что содержать пожарную машину накладно. Наверное, поэтому на птицеферме, расположенной в соседней Моревке, всего лишь в 17 километрах от станицы, не стали посылать в Камышеватку своих пожарных: «Сами справляйтесь, раз такие умные». Наверное, у начальства птицефермы тоже никого не было в доме престарелых. Пожарные ехали из Ейска — 52 километра преодолели за 50 минут: дорога плохая.

Стариков в Камышеватке спасали своими силами.

Уровень опасности российской жизни. С технологической составляющей все понятно. Усугубляется на местах по мере удаления от столицы. Технологическая безопасность в станице Камышеватской теперь повысится. Ценой 63 жизней. Быть может, даже новенькую пожарную станцию в новостях покажут.

Человеческий фактор останется. И пожарные в очередной Моревке снова не поедут в очередную Камышеватку: «Не велено». Никто не заставляет директора птицефабрики послать свою пожарную машину тушить чужой пожар.

Очередные люди, вдруг оказавшиеся чужими для того, кто по какому-то дикому, нелепому стечению обстоятельств — единственный, кто мог бы их спасти.

Сегодня одни — завтра другие. Лишние старики, лишние дети. Интернаты, дома престарелых. Спецучреждения, до которых ни у кого не доходят руки. Там — те, от кого отказались самые близкие. Группа риска.

Но все мы обречены на то, чтобы когда-нибудь проверить, для кого еще мы сегодня — чужие.

Мы — страна чужих. Граница размыта. Но иногда обнаруживается, что и 17 километров — уже слишком много. Непреодолимо далеко.

Живем дальше. Кто-то спит в Моревке, кто-то горит в Камышеватке.

Март 2007 года

«Я ЛОХ. И МНЕ НЕ СТЫДНО»

Мы становится лохами только на территории хама — того, кто либо противопоставлен культуре как таковой, либо представляет некую субкультуру, самоутверждающуюся за счет отрицания общепринятых норм. Неспособность противостоять обману, отличающую лоха, возведена в ранг самого страшного греха. Вы согласны с такой иерархией ценностей?

В очередной раз лоханулся. На станции техобслуживания развели так, что хоть плачь, хоть смейся.

— Если мимо кассы, это обойдется вам вполтину дешевле.

Моя совесть налогоплательщика ненадолго отвернулась, и мы с мастером ударили по рукам. В самом конце ремонтных работ на станцию подъехал мой знакомый, когда-то там работавший. Он-то и открыл мне глаза: мимо кассы стоит так же, как в кассу. А расспросив о деталях, подвергшихся замене, рассказал, что все это можно было менять не цельными блоками, а частями, что уж точно вышло бы вполтину дешевле.

Конечно, ничего не стоило припугнуть лохотронщика скандалом, сбить цену: рыльца-то у обоих в пушку, чего миндальничать? Но, глядя на молодого человека в комбинезоне, с красиво — эдак слегка набок — повязанной банданой, задорно крутившего гайки, я нежданно-негаданно впал в философический раж. И думалась мне дума отнюдь не мрачная — легкая и радостная.

Почему мы так боимся сознаться в том, что мы лохи? Нам не сложно назвать себя простофилей, лопухом, наивным человеком. С легкой грустью, со смехом, с богемным кокетством. Мол, ах-ах, я сущее дитя. А фраза «Я лох» звучит как-то даже неприлично, гнетет, хочется отмахнуться от нее со словами «чур меня, чур». И вроде бы смысл у всех этих слов один. Или нет?

Дело в том, как мне кажется, что лохами мы становимся в определенном контексте, я бы сказал — в определенном соседстве. И описывает это

слово не столько наши внутренние качества, самое неприглядное из которых всегда ведь можно преподнести как милую слабость а постыдную ситуацию, о которой приличному человеку лучше молчать, если уж вляпался.

Быть простофилей можно и на необитаемом острове — вот Робинзон Крузо при всей его двужильности и прагматичности — он же простоват, согласитесь? Романтик и джентльмен, с триумфом выходящий из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Даже став «начальником острова», укротив природу и одолев всех злодеев, Боб Крузо остается таким же чистым и наивным, каким был, когда в поисках приключений бежал из родительского дома. Чтобы стать победителем, говорит его пример, совсем не обязательно становиться циничным и жестоким. А Герасим, утопивший собачку, хотя вполне мог не делать этого? А князь Мышкин?

Реакция нормального человека на само допущение, что князя Мышкина можно назвать лохом, вполне предсказуема: «Хамство и бездуховность».

Так в том-то и дело. Мы становимся лохами только на территории хама — того, кто либо противопоставлен культуре как таковой, либо представляет некую субкультуру, самоутверждающуюся за счет отрицания общепринятых норм.

Кто чаще пользуется словечком? Прежде всего, конечно, граждане с тюремным прошлым (будущим), а также симпатизирующие им элементы. С распространением гламуромании к блатным примкнули глянцевого парни и девчонки.

Кстати (ну просто в качестве любопытного наблюдения), даже нетрадиционно ориентированные господа, чье место в реальном мире шконок и маляв похуже, чем у любого лоха, запросто, без комплексов, пользуются пришедшим оттуда понятием. Неспособность противостоять обману, отличающую лоха, возведена в ранг самого страшного греха.

Впрочем, где только не встретишь это слово! В кабинетах и в кулуарах, на экране и в своем почтовом ящике: «Считают тебя лохом?! Докажи, что ты не лох! Пришли SMS на номер 0000 и докажи, что ты не лох! Чем больше SMS ты пришлешь, тем больше ты не лох!»

Для всех, кто словом или делом попирает лоха, важнее жизни — правильный имидж.

Для обитателей гламура — соответствие идеалу, выстроенному на отрицании обыденности и ширпотребности. А кто более обыден и ширпотребен в России, как не лох?

Для бандитствующих — образ крутого парня. Положение обязывает, и в угоду имиджу нужно периодически ущемлять кого-то и прессовать.

Еще лучше, если такое положение вещей возведено в статус вселенской справедливости: «Он лох — он заслужил». Принимая подобные формулы, бросая мимоходом: «Да он же лох!» — мы с вами принимаем подобное мироустройство, в котором два полюса, два цвета: разводящий и разводимый — и больше нет места наивным и мечтательным, доверчивым и открытым, тем, кто поплатился за честность, и тем, кто пошел на компромисс с совестью. Потому что если ты лох, почему ты лох — уже не важно. И пусть хоть сам князь Мышкин. Лох — приговор, который не обжалуется.

Оказаться в положении лоха можно, лишь подвергнувшись унижительному акту разводки, который подразумевает некую добровольность: нужно самому сделать что-то неправильно (согласиться заплатить мимо кассы), чтобы тебя развели. Прозрение и впрямь болезненно. Потому-то так сложно сознаться в своем лоховстве. Одно дело быть побежденным грубым насилием, коварством, совсем другое — своими ножками пройти весь путь до роковой ямы и потом кричать оттуда: «Я здесь, спасите!»

Лохом может стать каждый. В том числе — разводящий. Все мы — потенциальные лохи. Так стоит ли пугаться? Завтра мы будем бдительней, и участь лоха обойдет нас стороной. А тот, кто нас развел, скорее всего останется таким навсегда. Вот если честно — готовы ли мы поменяться с ним местами? В смысле — стать таким, как он? Выпотрошить себя, выбросить на помойку все ненужное? Все эти фигли-мигли, культур-мульти. Кстати, как насчет десяти заповедей? Не манифест ли это лоховства: не укради, не возжелай? А Иосиф, которого так круто развели братья, — ну не лох ли?!

Обычно лох, попав впросак, начинает кипятиваться, доказывает, что все это досадное недоразумение, рвется отомстить.

Даже одна из самых серьезных, на мой взгляд, попыток осмыслить явление, фильм Аркадия Тигая «Лох — победитель воды», не оставляет лоху выбора: только перестав быть собой, став героем, вечный лох Гореликов может вернуть смысл существованию, отомстить за друга, заслужить любовь. Вот только герои — не сущие ли лохи? Чего им нейдет, чего подставляют себя, когда могли бы наплевать на все и жить в свое удовольствие?

Говорю же: лохи — все.

Любой, кого исповедующий эту систему ценностей пожелает сделать лохом.

Любой, кто окажется достаточно доверчив или неосторожен.

Любой, кто принимает игру. Это похоже на забаву, популярную некогда на Кубе: «Кто не прыгает — тот янки».

В общем, тому автомастеру, который меня развел, я остался благодарен. Я понял, что быть лохом — не страшно. По крайней мере не страшней, чем вляпаться в дерьмо: отмылся и пошел дальше. Теперь я с легкостью алкоголика из голливудских фильмов, встающего с репликой: «Хай, я Джон Пупкин, я алкоголик», могу сказать: «Я Денис Гуцко. Я лох. И мне не стыдно».

Август 2007 года

Денис Гуцко

Ангелы с нашей фамилией

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *О. Скочко*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 24.12.07 г.

Формат 70x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 57 000 экз. Заказ № 0805380.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Михельсон М. Труды по русской фразеологии: В 6 томах	1960 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.